

Дни тянулись за днями размеренно и спокойно, как лесные пауки тянут свои паутины: вопреки ветрам и звериным тропам, у них нет иных дел.

Баки занимался тем, что учился жить без руки. Не было задачи важнее, не было ничего, что ему следовало бы делать в хозяйстве у друида, в его маленьком и простом мире, и всё же он делал. Вламывался в установленный Стивом ход вещей, опережал, тренировался через собственную неуклюжесть и боль. Он носил воду из ближайшего ручья, чтобы наполнить размокшие деревянные бочки водой. Сами они наполнялись дождями не слишком охотно, осень стояла на редкость сухая.словно вся влага вылилась в те страшные, ненастные ночи, давно оставшиеся позади. Баки колот дрова, с неприятным чувством тревоги понимая, что поленьев под навесом становится все меньше, и совсем скоро настанет тот день, когда ему придётся идти в лес, чтобы искать подходящие для сруба деревья. Рубить их. И как-то волоочь до землянки. Баки отчаянно боялся где-то очень глубоко внутри себя, и каждый раз, когда думал об этом, у него потела ладонь. Он боялся, что не справится. Что не сможет сделать то, что раньше делал играючи, не задумываясь. Потому что даже колоть поленья на чурбаки было для него задачей высшей воинской концентрации и ловкости. Он был калекой — и чувствовал себя соответственно. Неуклюжим, неповоротливым медведем, для которого собственная мощь и вес были теперь помехой, а не преимуществом.

Но Баки предвкушал голодную зиму и то, как он, скорее всего, усохнет за это время. Как станет меньше, легче и, возможно, перестанет чувствовать себя так нелепо. Свыкнется с этой пустотой слева и с тем, как остаток руки постоянно пытается реагировать на то, что Баки хочет сделать, забывая, что руки нет, и это не изменится.

Он начал осваивать пращу. Самое простое оружие на птиц и мелких зверьков, ведь лук стал ему недоступен, а в том, что догонит косулю с охотничьим ножом, Баки не был уверен. Он собирался смастерить арбалет и стрелы к нему, но ему нужна была помощь Стива для этого. На этом месте Баки всегда спотыкался, ведь даже после того их разговора о ведьме они так толком и не общались. Казалось, друид живёт в каком-то собственном мире, который пересекается с миром Баки только иногда: в месте, где горит очаг, когда они разделяют трапезу, и по заходу солнца внутри землянки, где на шкурах совсем близко были их лежа. Где они спали, разделённые только сдвинутыми к гаснущему огню камнями, от которых после всю ночь идёт мягкий жар. Стив занимался своими таинственными друидскими делами, в которые Баки боялся лезть — боялся напортчить что-то, даже травы, что Стив собирал то рано поутру, то на вечерней заре, совсем уже жёлтые и бесполезные, по мнению Баки, он не трогал. А Стив в один из дней набил этими терпко, до одури приятно, по-осеннему пахнущими травами полотняный мешок и без слов оставил на шкуре Баки. Он сделал это молча, просто потому что захотел, и в момент понимания произошедшего жаркое, растапливающее все мысли и сомнения тепло прокатилось внутри. Баки подавился воздухом и ничего не смог сказать. Только ночью, когда Стив мирно и размеренно засопел, с тяжёлым вздохом уткнулся носом в подарок и долго, долго дышал, пока не заснул спокойным сном. Баки очень давно не спал так хорошо. Прежде едва ли не каждую ночь к нему приходили выматывающие видения о том, как он с дикой, ярко ощутимой пронизывающей болью теряет не только руку, но и медленно лишается каждой части тела на том поле, как теряет свои внутренности, как истекает кровью, разорванный на мелкие куски, и при этом чувствует каждую свою потерянную часть. Как спустя бесконечно долгое время умирает навсегда. И никогда уже не может иметь того, что имеет сейчас рядом с друидом. Эти навязчивые сновидения пугали до холодного пота и не приносили облегчения и отдохновения ночью. И теперь, когда у него был этот мешок с сеном, как Баки окрестил его про себя, больше кошмары не приходили по его душу. словно травы или

странная вышивка по краю красными нитками, которую Баки и не разглядел сначала, отпугивала их. Словно Стив заговорил её, прежде чем отдать, упрямил отгонять зло. Он не знал. И ему было всё равно, сколько в этом мешке колдовства. Прежде, когда из маленького мальчика он вырос и стал молодым воином, мужем, о Баки заботился только его наставник. Брок делал это в своей странной грубоватой манере, что не всегда можно было найти заботу за тычками и издёвками. Он научил его выживать и никогда не сдаваться, не ждать милостей, а брать их своими собственными руками, выгрызая зубами, если было нужно. И уж точно никто прежде не заботился о его сне. Юношами они каждый день уставали как собаки и отрубались, едва заваливались спать все вместе, бок к боку, и Баки был с ними, хотя имел свою комнату в замке. Он не особенно любил быть там, потому что не чувствовал себя уютно среди камня и чересчур мягкой кровати. Он знал, что однажды возглавит этих мальчишек — и жаждал знать каждого так хорошо, как только мог. Жаждал быть для них всем, и чтобы они были для него всем, чтобы мог доверять свою спину и рассчитывать на каждого как на себя. Стив же проявлял заботу по-другому. В мелочах, к которым Баки часто был слеп, а когда прозревал — Стив всегда оказывался где-то далеко, и отблагодарить его сразу не было возможности. А после Баки не мог, отчего-то чувствовал себя скованно и глупо. Так у него появилась плетёная из ивовых прутьев корзина, полная ровных, почти одинаковых камней для пращи. Каждый день неизвестно откуда бралось свежее мясо, обмазанное глиной и запечённое на огне, и головки дикого лука, который Баки обожал. Словно сами собой набирались небольшие лукошки с брусникой и клюквой, и однажды затрепетала на прохладном ветру выстиранная тайком рубаха. Каждая мелочь — как ответ на полные бочки с водой, на наколотые и сложенные в поленницу дрова, на чистый от вчерашней золы очаг... Они будто бы играли друг с другом в безмолвную игру по особым правилам, и Баки никак не мог понять, что же будет светить победителю, если таковой объявится. И как им стать?

Всё, что делал Баки, это старался не смотреть на Стива лишний раз и не думать. Не вспоминать сумасшедшую ведьму и её отравляющее мысли видение, не вспоминать сладко-горькие на вкус слова друида, отдающие то ли обреченностью, то ли надеждой. Каждый день у Баки набиралось забот, и он мог позволить себе забыться в них. Это помогало. Спасало его от душных и таких сладких мыслей. Осенний день так короток, а зимний будет ещё короче. Баки не знал, сколько ещё сможет держаться, засыпая и просыпаясь с друидом почти бок о бок в тесной берлоге. Но честно собирался тянуть до последнего. Собирался держать себя в узде, даже когда станет неспособен. А когда это время наступит — уйти в лес, к тому озеру, у берега уже покрывающегося паутиной тонкого, едва заметного льда, и снова упасть в воду, чтобы вернуть себе утраченное самообладание.

Он не считал дни, просто смотрел вокруг и каждый раз подмечал, как всё меняется. С каким лёгким, призрачным, звуком опадали с деревьев последние листья. Как неестественно пусто и прозрачно стало в лесу, как тревожно переговаривались на ветру деревья и молчали попрятавшиеся задолго до заката птицы, а ковёр под ногами переливался всеми оттенками от изумрудно-зелёного до бордово-вишнёвого цвета. Баки выбрался из-за шкуры и так и замер, взглядом прикипев к хрустальному небу и кромке леса за опушкой. Шорохи и звуки доносились до него медленно и глухо, словно из потустороннего мира. Природа готовилась к Самхейну, чувствовала, что грядёт чёрная ночь, и старалась укрыться от неё. Баки прикрыл глаза и только дышал мутным воздухом, предчувствуя, ожидая чего-то. Знака? Подсказки? Он настороженно раскручивал кистью пращу, к которой уже как следует приналовчился, и та издавала едва слышный свист. Сегодня ночью будет великий гон. Страшная охота, во время которой никому лучше не оказываться у неё на пути. Баки помнил, как в замке все окна запирались ставнями, и никого не оставалось на внутреннем дворе, забирали с собой даже куриц и собак. Потому что тех, кто оставался в Самхейн на улице, поутру не находили.

Баки собирался поохотиться с пращей впервые и надеялся, что не вернётся домой без добычи. Он долго тренировался и почувствовал, наконец, что готов. Он мог сшибить заранее выбранную на сосне шишку метким броском камня. Праща оказалась отличным вариантом для него, однорукого калеки. И это чувство, словно не всё ещё потеряно, словно ему есть на что надеяться, ненужно и ядовито расплзалось теплом внутри груди.

Баки отчаянно не хватало собак. С ними охотиться было бы намного проще. Он сам, хоть и был опытным следопытом, убил несколько дней, чтобы найти место тетеревиного тока не слишком далеко от поляны с их берлогой. Их резкая, настойчивая песня не раз доносилась до него поутру. И сейчас, проверив за спиной повешенную на длинной лямке через грудь суму с камнями для пращи, Баки ещё раз втянул в себя холодный воздух — и отправился в сторону случайно найденного птичьего царства. В тот раз он издали увидел примятую траву и птичьи перья, оставшиеся от драк самцов. И знал, что к середине осени молодняк уже достаточно подрос, чтобы улетать далеко от жировки. Он надеялся выбить одного-двух окрепших птенцов. Потому что на самом деле ему было страшно сидеть в бездействии на поляне в ожидании Самхейна. И только сейчас, тихо пробираясь через лес, Баки понял, что не чувствует неприятного волнения, что поселилось внутри после утренних слов Стива: «Самхейн сегодня ночью. Мы должны укрыться тут до захода солнца и укрепить изнутри шкуру, чтобы не сорвало. Будет буря».

<http://erolate.com/book/3459/83622>